311-37

Психологія древне-русскаго паломничества.

(Очеркъ).

Исторія не только интересна, но и поучительна. Современная историческая наука обратила особенное вниманіе на вопросъ о нашемъ древнемъ паломничествѣ, а русское общество съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе втягивается въ паломническое движеніе, проявляя въ тоже время большой интересъ къ произведеніямъ паломнической литературы не только нашего времени, но и древне-русской. Но всѣ, однако, имѣютъ возможность читать наши древнія паломническія произведенія; не всѣ по различнымъ условіямъ жизни могутъ имѣть подъ руками памятники старины. Вотъ почему мы желаемъ предложить читателямъ нѣсколько страницъ изъ исторіи древне-русскаго паломничества. Предстоящая рѣчь имѣетъ въ виду дать посильную характеристику паломническаго психологическаго настроенія древне-русскихъ паломниковъ.

Не простымъ туристомъ выступаетъ предъ нами древне-русскій паломникъ. Ему мало знакомы впечатлѣнія далекаго пути, открывающаго взору наблюдателя новыя мѣстности, новые города, невиданные ранѣе обычаи и внѣшній бытъ незнакомыхъ народовъ. Ни грозное море, ни его величавое спокойствіе, ни роскошь природы Востока и ея подавляющее величіе—ничто не способно было подѣйствовать на душу древне-русскаго паломника: его мысль почти цѣликомъ и безраздѣльно витала около святынь, его сердце жило почти одними религіозными чувствами. Исключенія здѣсь весьма ничтожны, и если встрѣчаются, то въ видѣ холоднаго наблюденія различныхъ мѣстностей, ихъ естественныхъ произведеній и быта ихъ жителей. „Отъ Царяграда по узкому морю, говоритъ извѣстный паломникъ Даніилъ (XII в.), итти 300 верстъ до Великаго моря, до Петалы острова 100 верстъ. То есть первый островъ на узьцѣмъ морѣ". Говоря о Петалѣ, тотъ же паломникъ замѣчаетъ: „ту есть лименъ добръ"; но въ чемъ заключается

эта „доброта“, авторъ знаменитаго Хожденія не говоритъ, чуждаясь вообще ощущеній простого путешественника. Даніилъ—типъ древне-русскихъ паломниковъ, которые питались религіозными впечатлѣніями и чувствами. Востокъ тянулъ нашего древняго паломника своей религіозной стороной. Что же искалъ паломникъ въ послѣдней? какъ онъ настраивался по отношенію къ святынямъ Востока?

Среди чувствъ, которыми жилъ древне-русскій паломникъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ благоговѣніе предъ святынями Востока. Игуменъ Даніилъ въ началѣ своего Хожденія называетъ себя „недостойнымъ“, „хужшимъ во всѣхъ мнисѣхъ“ и т.д., и замѣчаетъ, что онъ желаетъ видѣть градъ Іерусалимъ, какъ именно „святый градъ“. Но почему паломники относились съ особеннымъ благоговѣніемъ къ восточнымъ святынямъ? Отвѣтъ намъ даетъ тотъ же Даніилъ, а съ нимъ и русскій народъ, воспѣвшій паломника—этого „калику перехожаго“. Именно потому и святы были святыни Востока для нашего паломника, что онѣ были окружены чудесами, принадлежавшими или далекому прошлому или совершавшимися при паломникахъ и во времена паломниковъ Нѣтъ ни одного паломника-писателя, который бы не разсказывалъ о чудесахъ Востока. Игуменъ Даніилъ замѣчаетъ: „обходилъ... около святаго града Іерусалима по святымъ мѣстамъ, куда же Христосъ Богъ нашъ походи своима ногама и велика чудеса показа по мѣстомъ тѣмъ святымъ“; въ самомъ же повѣствованіи неоднократно разсказываетъ о чудесахъ не только прошедшихъ временъ, но и тѣхъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ онъ, игуменъ Даніилъ. Такъ, онъ разсказываетъ, что при немъ на островѣ Кипрѣ былъ крестъ, постановленный еще св. Еленой „на прогнаніе бѣсомъ и всякому недугу на исцѣленіе“... И бываютъ ту, на мѣстѣ томъ у креста того, знаменія велика и чудеса и до нынѣ. Стоитъ же на воздусѣ крестъ той“. У паломника XIII в. Антонія Новгородскаго „чудесъ и страшныхъ и святыхъ явленій“ такое множество, что перечислить ихъ нѣтъ никакой возможности

въ настоящей статьѣ. Но особенно много чудеснаго разсказывается въ Хожденіяхъ Познякова, Коробейникова и въ Словѣ о нѣкоемъ старцѣ (всѣ XVI в.), представляющихъ собой почти сплошную запись чудесъ, которыя встрѣчались на каждомъ шагу святыхъ мѣстъ Востока. Стремленіе къ чудесному, какое можно было найти въ святыхъ странахъ восточныхъ, настолько иногда было сильно въ древне-русскомъ обществѣ, что принимало иногда нежелательныя формы. Кіевскіе монахи XIII в. думали, что стоитъ только „сходить во Іерусалимъ, „гдѣ знаменія и чудеса дѣются“,— и спасеніе достигнуто. Митрополитъ Іосифъ принужденъ былъ (около 1237 г.) замѣтить имъ, что всякій, ищущій подобнымъ образомъ спасенія, „причитается въ часть невѣрныхъ жидовъ, просящихъ знаменія отъ Христа“, и что „не ногами“ нужно „искати спасенія“. Народный эпосъ, воспѣвая каликъ, съ своей стороны свидѣтельствуетъ о стремленіи послѣднихъ къ чудесамъ Востока: Калики ходили

„Во Ердань рѣкѣ искупатися, *Нетлѣнной* ризой утеретися“.

Но ища чудесъ, паломникъ древней Руси относился къ нимъ не съ чувствомъ простого любопытства, а съ великимъ благоговѣніемъ Онъ не иначе называлъ и считалъ посѣщаемыя имъ мѣста, какъ святыми. Даніилъ идетъ въ Палестину „видѣти святый градъ Іерусалимъ“; онъ много ходилъ „по святымъ мѣстамъ“ и пишетъ „о святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, и о той земли блазѣй, и о пути, еже къ святымъ мѣстомъ“. Точно также выражаются и остальные паломники-писатели. И Васька Буслаевъ говоритъ храбрымъ новгородскимъ молодцамъ: „А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого путя ко святому граду Іерусалиму“. 40 каликъ со каликой эпосъ отправляетъ на Востокъ, чтобы они поклонились „святому граду Іерусалиму“ и помолились „святой святынѣ“.—Благоговѣя предъ святынями Востока, нашъ древній паломникъ, естественно, старался выразить это благоговѣніе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Наиболѣе употребительной формой здѣсь является поклоненіе святынямъ и цѣлованіе священныхъ предметовъ. Паломники неодно-

кратно заявляютъ: „и поклонихомся“, „и цѣловахомъ“; а Хожденіе Василія Гагары (XVII в.) даже надписывается такими словами: „како ходилъ во Іерусалимъ и во Египетъ и во Царьградъ и како святымъ мѣстомъ поклонихся во Іерусалимѣ и во Египтѣ и цѣлова ихъ честнѣ“. Арсеній Суханов пишетъ Проскинитарій, Евѳимій, инокъ Чудова монастыря, переводитъ Проскинитарій Каллуды (XVII в.), а „Проскинитарій“ въ буквальномъ переводѣ значитъ: „поклонникъ“. Поклоненіе святынямъ Востока, какъ осуществленіе завѣтныхъ желаній нашего древняго паломника, возбуждало въ послѣднемъ сильнѣйшую радость и священный восторгъ. „Азъ же,—говоритъ Данінлъ,—поклонився гробу Господню, и вземъ кандило свое съ святымъ масломъ.... идохъ... радуяся великою радостію“. Иногда благоговѣніе къ святынямъ паломники выражали еще и тѣмъ, что или пѣшкомъ, напр., къ Іерусалиму, ѣхавъ дотолѣ на копяхъ. Считаемъ не лишнимъ привести слѣдующія замѣчательныя строки нашего перваго паломника-писателя (Данінла): „Есть гора равна... близъ града Іерусалима, яко версты вдалѣ; на той горѣ ссѣдаютъ съ конь вси людіе и поставляютъ крестьци ту и поклоняются святому Воскресенію... И бываетъ тогда радость велика всякому христіанину, видѣвше святый градъ Іерусалимъ и ту слезамъ пролитіе бываетъ отъ вѣрныхъ человѣкъ... И идутъ вси пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму“. А къ святому гробу Господню Данінлъ приступаетъ не иначе, какъ „выступивъ изъ калиговъ“ (или, что тоже, сандалій) своихъ. Иногда паломники купались во Іорданѣ, какъ калики эпоса или Василій Гагара; омывались Іорданской водой, какъ Евфросинія Полоцкая XII в.; пили воду изъ священныхъ источниковъ, напр., изъ источника пророка Елисея, какъ черный діаконъ Іона Маленькій XVII в.; отламывали вѣтки отъ смоковницъ, или пальмъ, освященныхъ присутствіемъ Богочеловѣка и святыхъ, какъ священно-инокъ Варсонофій XV в.—Благоговѣніе предъ святынями Востока у нашихъ древне-русскихъ паломниковъ не знало предѣловъ. И вотъ почему они не могли

не возмущаться такими обстоятельствами, какъ присутствіе разныхъ „еретиковъ“ и масульманъ въ тѣхъ же святыхъ мѣстахъ. Говоря объ одномъ женскомъ монастырѣ около Іерусалима, Даніилъ не можетъ скрыть своего негодованія по поводу того, что „нынѣ“ онъ разоренъ „отъ поганыхъ“. Съ чувствомъ брезгливости тотъ же Даніилъ говоритъ и о католикахъ, пѣніе которыхъ онъ называетъ „верещаніемъ“. Архимандритъ Агреѳеній, паломникъ XIV в., недоволенъ тѣмъ, что въ святыхъ мѣстахъ совершаютъ „службы проклятыя ереси“, что служатъ тамъ „Армяніи треклятіи“; а Зосима, паломникъ XV в., не иначе называетъ сарацынъ за ихъ владѣніе святыми мѣстами, какъ „лютыми“ и „нечестивыми“. Василій Позняковъ сообщаетъ, что въ пасхальную ночь Хабежи (т. е. Абиссинцы) ходятъ вкругъ гробницы (Христа) и біютъ по тѣмъ бубномъ и скачутъ и пляшутъ, яко бы скомраси (скоморохи)“. „И дивихомся,—замѣчаетъ паломникъ,—Божію человѣколюбію, како терпитъ: не мочно бѣ человѣку и на торжищи таковая бѣсованія видѣти. Сихъ же окаянныхъ видѣхомъ въ церкви тако кругъ гроба Божія бѣсящихся“.

Тотъ же Позняковъ не можетъ равнодушно смотрѣть и на то, какъ берутъ плату съ христіанъ „поганые турки“ за осмотръ святыхъ мѣстъ и молитву въ нихъ, и на то, какъ входятъ „поганіи турки въ великую церковь ко гробу Господню“. Еще болѣе негодованія слышится въ словахъ Василія Гагары, который такъ описываетъ свои впечатлѣнія, полученныя въ ночь съ пятницы на субботу въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія: „И въ тѣй нощи въ той великой церкви овіи плачутъ, овіи радуются, а турки безбожные, ходя по той великой церкви, піютъ табакъ и шарапъ, и по арабски скверно глаголюще женскому полу, и плюющие на нихъ, и хотяще скверно дѣйствовати“. Чрезъ нѣсколько строкъ Гагара арабовъ называетъ „мерзкими людьми“. Арсеній Сухановъ идетъ еще дальше и бранитъ уже греческихъ „поповъ и діаконовъ“ за то, что они носятъ „назади хвостъ широкъ и дологъ, якобы у женокъ и у сороки“; греческихъ „черницъ“ за

то, что онѣ „ходятъ якоже мірскія жены“, и наконецъ, „женъ греческихъ“ за то, что онѣ „ходятъ по франкски, рубашки не застегаютъ... якобы для прелестей“. Вообще говоря, Проскинитарій Арсенія служитъ весьма сильнымъ доказательствомъ того, что русскіе паломники, бывавшіе на Востокѣ, не могли мириться съ такими явленіями церковно-религіозной и общественной жизни посѣщаемыхъ ими странъ, которыя нарушали мирное ихъ благоговѣйное настроеніе по отношенію къ восточнымъ святынямъ, и тѣмъ самымъ еще болѣе подтверждали наличность своихъ благоговѣйныхъ чувствъ къ святымъ мѣстамъ Востока.

Въ связи съ чувствомъ благоговѣнія наши древніе паломники имѣли еще одно чувство, которое было для нихъ весьма характерно. Мы имѣемъ въ виду чувство покаянное. Благоговѣніе предъ святынями Востока въ паломникѣ было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ сознавалъ свою „грѣховность“, свое „недостоинство“. „Се азъ,—говоритъ Даніилъ,—недостойный игуменъ., хужшій во всѣхъ мнисѣхъ, смиренный грѣхи многими, недоволенъ сый во всякомъ дѣлѣ блазѣ, понуженъ мыслію своею и нетерпѣніемъ моимъ, похотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ“; „и то все видѣхъ очима своима грѣшныма“. Антоній Новгородскій также называетъ себя „недостойнымъ“ и „многогрѣшнымъ“. Сознаніе грѣховности проходитъ чрезъ весь рядъ паломниковъ древней Руси. Паломникъ XVII в. Василій Гагара пишетъ о себѣ: „И жихъ отъ юности своея житіе свое блудно и скверно препроводилъ, аки свинія въ калѣ грѣховнѣ пребыхъ, блудъ творяше безпрестанно: не имѣхъ бо ни среды, ни пятка, ни торжественнаго Божія праздника, и того моего сквернаго и блуднаго житія было 40 лѣтъ, до древности лѣтъ житія своего. Потомъ же на мя наведе Господь нашъ Іисусъ Христосъ тѣ многія скорби и печали и бѣды и напасти. Потомъ же отпусти на корабли за море человѣка своего Гаранку въ Персицкую землю, и что было имѣнія моего многогрѣшнаго раба, и то все потонуло на мори судомъ Божіимъ. Да въ тоже время у меня многогрѣшнаго жена преставися, и я

обѣщахся въ печали своей во Іерусалимъ ити помолитися и у Господня гроба приложитися, и во Іорданѣ искупатися, и многимъ патріархомъ греческимъ о грѣсѣхъ своихъ блудныхъ и скверныхъ покаятися и потомъ приняти отъ нихъ благословеніе". Въ этихъ словахъ мы видимъ изображеніе того покаяннаго настроенія, которое, постепенно развиваясь, приводило древне-русскаго человѣка къ паломничеству на Востокъ. Восточныя святыни—вотъ тѣ мѣста, гдѣ, по представленію нашихъ предковъ, можно было спастись скорѣе, чѣмъ на Руси. Вотъ чѣмъ, между прочимъ, объясняется и то сильное стремленіе на Востокъ, какое замѣчается среди русскаго монашества и русскаго мірского общества до-петровской эпохи. Объ Антоніи Печерскомъ говорится въ Патерикѣ Печерскомъ, что онъ „къ путному шествію устремися, странствуя за странствовавшаго Господа и трудившагося нашего ради спасенія". Св. Ѳеодосій Печерскій устремляется своею мыслію именно туда, „идѣже Господь нашъ плотію походивъ, спасеніе содѣла". Ефремъ Печерскій „горяше духомъ ко святымъ мѣстамъ, да и тамо святыхъ отецъ равноангельному житію самовидецъ бывъ, на добродѣтельные ихъ труды поостритъ себе любовію". Епископъ Бесѣды о Царьградѣ (XV в.) говоритъ своему собесѣднику царю: „азъ бо желаю и молюся Богу и святому архангелу Михаилу, да сподобитъ мя тамо конецъ житію пріяти въ святыхъ тѣхъ мѣстѣхъ, дабы ми хотя мало ослаба была множеству грѣхъ". Древне-русскіе паломники, какъ видно, не только имѣли покаянное чувство, но, что особенно важно, они искали на Востокѣ удовлетворенія этого чувства и ради него совершали свои путешествія. Заглажденія грѣховъ своихъ они хотѣли достигнуть уже самымъ процессомъ странствованія. Ефремъ Печерскій просилъ преподобнаго Антонія, „да подастъ ему благословеніе въ страну греческую отити: той же не хотяше лишитися ему мзды странничества, отпусти его съ благословеніемъ и молитвою". Прибѣгали паломники и къ другимъ средствамъ заглажденія грѣховъ Предъ гробомъ Господнимъ вскорѣ послѣ постановленія кандилъ

(лампадъ) Даніиломъ и другими, „источници слезамъ проливались отъ вѣрныхъ людей; аще бо кто окаменено сердце имать, но тогда можетъ прослезити, всякъ бо человѣкъ зазритъ въ себѣ и поминаетъ грѣхи своя“. Трифонъ Коробейниковъ въ тѣхъ же побужденіяхъ дѣлаетъ приношенія на масло, а Гагара — на свѣчи. Въ тѣхъ же цѣляхъ приносились паломниками и горячія молитвы. „Первѣе,—замѣчаетъ Даніилъ,—поклонился есмь за князей, за всѣхъ и потомъ о своихъ грѣсѣхъ помолился есмь“. Иногда, какъ мы это уже видѣли, паломники купались въ водахъ Іордана или омывались іорданской водой. Съ этими обрядами покаянное чувство паломниковъ находилось въ самой тѣсной связи. Евфросиніи „принесоша... воды отъ Іордана; она же... обліяся по всему тѣлу своему, возлегши на ложи, рече: благословенъ Богъ, просвѣщая всякаго человѣка, грядущаго въ міръ! Въ вѣки молюся человѣколюбивому Богу, ревнующи Петрову покаянію“. Арсеній Сухановъ разсказываетъ, что въ его время паломники купались въ Іорданѣ „нагіе“, „иніи въ рубахахъ, иніи умываются и пьютъ мужи и жены и черницы... иніи же саваны своя купя, и полотно примѣривъ къ мѣсту, идѣже Христа Бога нашего въ саванъ клали, на Іорданѣ тотъ саванъ, пришедши, омокаютъ въ воду и, высуша, относятъ въ свою страну, и блюдутъ до смерти; по преставленіи же въ тѣхъ саванахъ погребаются“. По нашему мнѣнію, весь обрядъ, описанный Суховымъ, зависѣлъ отъ покаяннаго чувства паломниковъ. Купанье въ Іорданѣ и желаніе умереть въ упомянутомъ саванѣ имѣли для паломниковъ значеніе средствъ, очищающихъ отъ грѣховъ, и это тѣмъ болѣе, что иногда тѣже паломники желали даже умереть въ святой землѣ, чтобы скорѣе достигнуть спасенія. Евфросинія Полоцкая молилась: „азъ грѣшная егоже просихъ, получилъ [а] отъ Тебе, Владыко; се же и еще прошу у Тебе, Милостиве, да скончаю мѣсто прошенія моего: пріими духъ мой отъ мене во святѣмъ градѣ твоемъ Іерусалимѣ“. Еще яснѣе туже мысль выражаетъ епископъ Бесѣды о Царьградѣ, когда высказываетъ желаніе умереть въ святыхъ мѣ-

стахъ, чтобы „хотя мало ослаба была множеству“ его „грѣхъ“. Мысль о покаянномъ чувствѣ древне-русскихъ паломниковъ засвидѣтельствована и народнымъ эпосомъ. Васька Буслаевъ заявляетъ:

„А мое то гулянье неохотное:
„Съ молоду бито много, награблено,
„Подъ старость надо душу спасти;
„А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого путя
„Ко святому граду Іерусалиму“.

И вотъ приходитъ нашъ герой съ своей храброй дружиною

„Во Іерусалимъ градъ.
„Пришелъ въ церковь соборную;
„Служилъ обѣдни за здравіе матушки
„И за себя, Василья Буслаевича.

. . . .

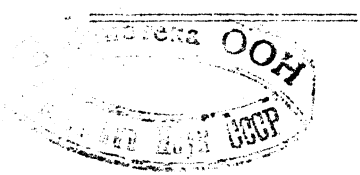
„На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
„Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
„Что съ молоду бито много, граблено.
„И ко святой святынѣ приложился онъ,
„И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался“.

Говорятъ (Срезневскій и Ждановъ) о несамобытности образа Васьки, напоминающаго восточный и западно-европейскій образъ кающагося разбойника, ближайшимъ образомъ—сагу о норманскомъ герцогѣ Робертѣ, покаявшемся и отправившемся для заглажденія грѣховъ въ Палестину. Спорить нельзя. Но все-таки Васька—типъ древне-русскаго человѣка. Народъ не сталъ бы пѣть про Ваську, еслибы послѣдній въ главной чертѣ своего характера, покаянномъ настроеніи, съ какимъ онъ отправился на Востокъ—не отвѣчалъ русскому нравственному настроенію. Васька—образъ нашего предка, ради удовлетворенія покаяннаго чувства шедшаго къ святынямъ Востока, чтобы тамъ „душу спасти“. Русскій народъ сознательно воспѣваетъ свои идеалы и стремленія. Развѣ незначительно сходство между Васькой эпоса и Василіемъ Гагарой—знаменитымъ историческимъ паломникомъ XVII в.? Оба—страшные

грѣшника и оба они отправились въ Святую землю, чтобы найти тамъ у подножія Креста Христова умиротвореніе своей преступной совѣсти. Бремя грѣховъ чувствовалъ не одинъ средневѣковой христіанскій западъ Европы; не менѣе оно ощущалось и древней нашей православной Русью.

Съ облегченнымъ сердцемъ возвращался древне-русскій паломникъ на свою родину. Онъ не только достигъ созерцанія святыхъ мѣстъ и чудесъ Востока, къ которымъ трудно было по тогдашнимъ условіямъ пути проникнуть; но онъ получилъ и успокоеніе своего грѣховнаго сердца. Общенародная запись о святыхъ мѣстахъ—Хожденіе Трифона Коробейникова прекрасно изображаетъ восторгъ нашего древняго паломника, возвращающагося на родину: „поидоша радующесь ко Царю граду и отъ Царя града и къ Россійскому царству идохомъ радующеся..., славяще Святую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“.

А. Платоновъ.

Перепечатано изъ Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1902 г.
Красноярскъ, типографія Ал. Л. Жилина